

Солнце клонилось к закату. Рыба почти вся была продана, и то, что осталось, решили разделить между семьями. Большая часть рыбы была мертвой, но из-за холодной погоды это никак не влияло на ее вкус и свежесть.

Вся выручка от продажи рыбы была поровну разделена Лю Фа между участниками. Каждая семья из двух человек получила около десяти с лишним лян чистой прибыли, ведь затраты на вылов были минимальны.

Первая партия рыбы продавалась дорого – спрос значительно превышал предложение. Но через несколько дней, когда рыбаки снова выйдут в море, рыбы станет больше, а цены, соответственно, упадут.

Когда работа была закончена, все вместе собрали свои вещи и двинулись домой. Уставшие, они почти не разговаривали.

Жена Лю Фа ускорила шаг, догнала Цин Яня и тихо обратилась к нему:

- Сегодня я специально не позволила тебе разговаривать с супругом Вана Хэяо. Не обижайся. Этот подлец плохо с ним обращается – либо бьет, либо ругает. Если кто-то из чужих вмешается, ему только хуже станет, он дома будет еще больше его мучить. Мы боимся вмешиваться. К тому же у твоего далана и Вана Хэяо уже есть неприязнь друг к другу. Если ты заступишься, ему может стать еще хуже.

Цин Янь удивился и спросил:

- Но почему? Ведь у нас в деревне жены обычно сильные и самостоятельные. Почему у них по-другому?

Жена Лю Фа тяжело вздохнула:

- Да все из-за его семьи. Его родня совсем его не ценит – как выдали замуж, так больше и не пускают домой. А еще он столько лет замужем, а детей у них так и нет. Вот Ван Хэяо и его мать этим и пользуются.

Цин Янь опешил:

- Нет детей?

Жена Лю Фа постучала пальцем по его животу и пояснила:

- Не может рожать.

Цин Янь прекрасно понял значение слов «нет детей», но это его ошеломило. Он никогда не задумывался, что в этом мире геры, которых он считал почти такими же, как обычные мужчины, способны рожать.

Этот жест – легкое прикосновение к животу – поразил его словно выстрел из крупнокалиберного миномета, от которого в голове остался только гул.

- А если проблема вовсе не в нем? Может, это сам Ван Хэяо неспособен? – выпалил он.

Жена Лю Фа грустно вздохнула:

- Ван Хэяо сам по себе дрянь, жалко только бедняжку. Такой честный, такой покладистый... Эх...

Вечером, вернувшись домой, Цин Янь выглядел подавленным. Цю Хэнянь подумал, что он замерз, и отправил его в комнату отдохнуть, а сам пошел на кухню, чтобы приготовить рыбный суп. Он принес суп прямо к кровати, чтобы Цин Янь мог поесть, не вставая.

Цин Янь выпил чашку горячего супа, съел немного рыбы, и его уныние слегка отступило под воздействием горячей и вкусной пищи.

История с тем гером из семьи Ван Хэяо оставила на душе Цин Яня тяжелый осадок. Он хотел бы помочь, но просто не знал, с чего начать и как вмешаться.

С другой стороны, его начала беспокоить еще одна серьезная проблема: внешне он ничем не отличается от гера, но сам совершенно неспособен иметь детей.

Будучи человеком современного мира, он воспринимал идею о том, что мужчины могут рожать, как что-то, что можно наблюдать у других, но никак не принять в отношении себя. И даже просто мысль о том, что он мог бы оказаться в такой ситуации, вызвала у него отторжение.

Однако Цю Хэнянь – человек этого мира. Здесь с детства учили, что «не оставить потомков – величайший грех». Цин Янь хорошо знал характер Цю Хэняня и был уверен, что тот не станет относиться к нему иначе из-за этого. Но если вдруг Цю Хэнянь очень любит детей и мечтает о собственных, то Цин Янь не мог избавиться от ощущения вины и сожаления за то, что не может этого дать.

Правда, размышлять об этом было бессмысленно – у них и так хватало сложностей. Даже просто спать вместе без происшествий было вызовом, не говоря уже о детях.

Цин Янь не был человеком, склонным к долгим переживаниям. Он хорошо выспался ночью, и его настроение значительно улучшилось.

На следующий день он разобрал рыбу, которую принес вчера, и отнес по две рыбы тете Ли и У Цюнянь. Погода становилась все теплее, и рыба больше не могла долго храниться, поэтому большую часть он натер солью и сложил в кувшины для засолки.

На ужин он приготовил большую кастрюлю тушеной рыбы, а по краям котелка налепил лепешки из кукурузной муки, чтобы те пропитались паром и стали мягкими.

Еще он почистили речных креветок — их выловили немного, и Лю Ань не стал продавать улов, а разделил между всеми. Современные речные креветки едва ли крупнее сушеных, и после варки в них остается совсем мало мяса. Цин Янь мелко нарезал оставшийся пучок нежного чесночного лука, добавил два яйца и все вместе поджарил. Он попробовал блюдо — маслянистая корочка сделала креветочные панцири хрустящими. Хотя креветки были маленькими, их вкус оказался невероятно свежим, даже вкуснее рыбы.

К тому времени, когда рыба была готова, Цю Хэнянь тоже вернулся.

Золотистые лепешки, снятые со стенок котла, с одной стороны получились румяными, а с другой — слегка поджаренными. Первый укус раскрывал хрустящую корочку, за которой следовала нежная, мягкая сердцевина с ярким кукурузным ароматом и легкой сладостью.

Они поочередно откусывали лепешки, запивали их супом, пробовали рыбу, а затем брали палочками жареные креветки с яйцом и чесночным луком. Это был настоящий пир, который трудно описать словами.

Прошло еще два дня, и небольшая выездная команда Цин Яня снова отправилась на рынок. На этот раз тетушка Ли, как и договаривались, отдала Цин Яню только что приготовленную партию крема «Снежинка» и осталась дома.

У Цюнянь сплела еще больше мелких украшений, которые оказались даже изысканнее, чем раньше. Деревянные изделия Цин Яня были немногочисленны, но значительно более изящны и искусно выполнены, чем прошлые. Эти вещицы можно было не только использовать, но и просто поставить дома — они служили бы отличным украшением.

Поскольку изготовление деревянных изделий занимало много времени, на деревенской ярмарке они не приносили высокой прибыли. Обдумав ситуацию, Цин Янь решил взять с собой еще кое-какие товары из лавки в городе.

Если другие продавцы просили за товар десять монет, он ставил цену восемь, не стремясь к высокому доходу, а рассчитывая на объем продаж.

Так как Ван Саньяо не было дома, на этот раз Цю Хэнянь отвез их вещи на тележке в соседнюю деревню. Отправив их, он вернулся в мастерскую, а к заходу солнца приехал за ними обратно.

Эта ярмарка оказалась значительно менее успешной, чем предыдущая, прошедшая на Фестиваль фонарей. Из пятидесяти баночек крема «Снежинка» продали всего двадцать три. Изделия У Цюнянь, хотя и привлекли внимание, разошлись лишь наполовину. Проблема была не в том, что их не ценили, а в том, что покупатели считали их слишком дорогими и пытались сбить цену. Но У Цюнянь не хотела уступить и продавать украшения за бесценок.

Маленькие деревянные изделия Цин Яня тоже почти не продались, зато весь привезенный мелкий товар разошелся полностью. Хотя прибыль была небольшой, она все же была.

На обратном пути Цин Янь и У Цюнянь обсудили случившееся и пришли к выводу, что в будущем им лучше торговать на крупных ярмарках в городе, так как на деревенских рынках их товары явно не получают достойной оценки.

Эта попытка была далека от успеха, но Цин Янь получил важный практический урок, а также, кажется, нашел возможное решение одного из вопросов, который долго его беспокоил.

На ярмарке он услышал разговоры соседних торговцев. Многие из них следовали за рынками, где бы те ни проводились, их деятельность охватывала три-четыре округа. Они брали местные товары одного района и продавали их в другом, пользуясь принципом «чем реже, тем ценнее». Это, по их словам, позволяло успешно сбывать товар.

Они также упомянули крупных торговцев, которые путешествовали на гораздо большие расстояния. Такие караваны двигались организованно: у них был предводитель, который занимался планированием маршрута, охранники для защиты грузов, а также вьючные животные — быки и лошади для перевозки товаров. Эти торговцы объезжали всю страну, двигаясь с севера на юг и обратно. Они привозили на юг северную баранину и дичь, а везли на север специи и шелк. Прибыль от таких сделок была очень высокой.

Для говоривших это было лишь обменом опытом, но для Цин Яня услышанное стало ключом к возможному решению. Его внимание привлекли не сами торговцы, а их маршруты: они регулярно пересекали юг и север. В эпоху, когда информация распространялась медленно, такие люди могли стать идеальными посредниками для поиска сведений о людях, живущих за тысячи ли.

С момента, как Цин Янь оказался в этом мире, он неоднократно проверял свою способность видеть краткую информацию о людях. И ни разу эти сведения его не обманули.

Это позволило ему сделать вывод: Цин Лянчуань, нынешний уездный начальник Наньхуэй, возможно, и есть тот самый муж тети Ли, которого считали погибшим в несчастном случае.

Однако говорить об этом прямо он не мог. Тем более он не решался рассказывать об этом тете Ли. Если вдруг он ошибался, а тетя Ли, с таким трудом обретя покой после утраты, снова получит удар, ее душевное равновесие может быть разрушено окончательно.

Цин Янь решил, что при следующем посещении городской ярмарки он окончательно уладит дело с наймом караванщиков для поиска нужной информации.

Вернувшись из соседней деревни в Люси, он обнаружил, что Цю Хэнянь не ужинал дома — его позвал выпить Лю Ань.

Цин Янь, оставшись один, приготовил себе простую лапшу с острым мясным соусом.

На полу во внешней комнате стояло недоделанное куриное гнездо, которое Цю Хэнянь мастерил для цыплят. Еще немного потеплеет — и их можно будет выпускать во двор для свободного выгула.

Цыплята росли невероятно быстро: их желтый пух почти исчез, а на крыльях уже появились разноцветные перья — красные и зеленые. Теперь стало ясно, где петушки, а где курочки. Цин Янь присел рядом с клеткой и пересчитал: из девяти цыплят восемь оказались курочками, а петушок был только один.

Еще недавно тетя Ли предлагала, если у него окажется слишком много петушков, обменять их на курочек, чтобы было больше яиц. Но теперь стало очевидно, что никакого обмена не потребуется.

После того как Цин Янь закончил практиковаться в каллиграфии, подошло время ложиться спать. С момента, как он попал в этот мир, его жизнь стала удивительно размеренной и регулярной. Уже начало клонить в сон, но Цю Хэнянь еще не вернулся. Цин Янь сел на кровать, взял книгу и, прищурившись, лениво начал ее листать.

Спустя какое-то время он услышал, как в дверь стучат. По голосу он понял, что это Лю Фа. Цин Янь быстро надел обувь и побежал открывать. Во дворе было темно. Лю Фа стоял у ворот, одной рукой держа масляную лампу, а другой поддерживая пьяного Цю Хэняня. Тот еле стоял на ногах, пошатываясь и рискуя вот-вот упасть.

Цин Янь поспешил подхватить высокого мужчину с другой стороны. Лю Фа, пьяно щурясь, успел извиниться:

— Прости, Цин Янь, переборщили с выпивкой. Это я виноват!

— Ничего страшного, брат Лю, — улыбнулся Цин Янь. — Раз такое веселье, можно и перебрать немного.

Лю Фа засмеялся, махнул рукой и, пошатываясь, двинулся к своему дому, напевая какую-то песню.

Цин Янь остался один на один с пьяным Цю Хэнянем. Держать такого высокого и сильного

мужчину оказалось непросто — в какой-то момент они оба чуть не упали. Но пьяный, видимо, слегка протрезвел, оперся на дверной косяк и, схватив Цин Яня за талию, рывком выровнял их обоих.

Цин Янь упал в тепло объятий, пропитанных легким винным ароматом. Его тело, согретое выпитым алкоголем, излучало жар, будто само окружало пространство мягким, обволакивающим теплом.

Мужчина склонился к его шее, не спеша вдохнул, раз за разом втягивая слабый запах кожи, и потерся носом, заставив Цин Яня невольно втянуть голову в плечи, пытаясь уйти от этих почти щекотных прикосновений.

Затем раздался его приглушенный голос, словно тот только что разгадал трудную загадку:

— Это мой супруг.

Цин Янь не сдержал улыбки. Слегка хлопнув мужчину по груди, он с шутливой заботой сказал:

— Не замерзни, давай уже в дом.

К этому моменту Цю Хэнянь слегка протрезвел, хотя его движения все еще выдавали остатки выпитого. Он опирался на Цин Яня, когда они вошли в дом. Помогая ему снять верхнюю одежду, Цин Янь увидел, как мужчина сразу же опустился на кровать, словно устав от долгого пути.

Цин Янь все же не забывал про открытые ворота. Торопливо выйдя во двор, он закрыл их и плотно запер засов, после чего вернулся в дом.

Но когда он вошел, его ожидал сюрприз. Мужчина, который должен был отдыхать на кровати, теперь стоял с полуоткрытыми глазами, цепляясь за стену, и... чистил зубы.

Цин Янь, опасаясь, что тот вот-вот упадет, поспешил подойти и поддержать его.

Цю Хэнянь поднял взгляд, уставился на него, и, закончив полоскать рот, вытер лицо. После чего просто сказал:

— Хочу отдохнуть.

Цин Янь помог ему устроиться на кровати, поддержав его, чтобы тот мог полулежать, оперевшись на изголовье. Убедившись, что тот выпил чашку теплой воды, Цин Янь заметил, что тот не спешит засыпать. Чтобы скоротать время, он завел разговор:

— Скажи, а почему Лю Фа сегодня позвал тебя выпить?

Цю Хэнянь, не открывая глаз, тихо ответил:

— Это не он, это его брат. В следующем месяце свадьба у него, он счастлив.

Цин Янь несколько раз моргнул, пытаясь осмыслить услышанное, и с легким смущением спросил:

— А ты, когда женился, был счастлив?

Цю Хэнянь не сразу ответил. Прошло немного времени, прежде чем он лениво поднял веки и взглянул на Цин Яня.

— Красивый.

Цин Янь нахмурился, не понимая, что тот имеет в виду.

— Увидел тебя — вот и счастлив, — уточнил Цю Хэнянь.

Смущение расплылось по лицу Цин Яня нежным румянцем. Он сдержал улыбку, но спустя мгновение не выдержал, поднялся и слегка коснулся губами губ Цю Хэняня.

Когда он попытался отойти, сильные руки обвили его талию, удерживая на месте. Цю Хэнянь склонил голову, его взгляд потемнел.

— Цин Янь, а ты свои слова держишь?

Цин Янь застыл, осознав, что это был его собственный вопрос, однажды адресованный мужчине. Он задумался на секунду.

— Какие именно слова?

Цю Хэнянь слегка шевельнул губами, но ответа не дал. Вместо этого коротко произнес:

— В кузнице.

Цин Янь тут же вспомнил, о чем идет речь, и лицо его запылало, будто он мог приготовить на себе яичницу. Тогда, в порыве признания, он говорил все, что приходило в голову, без оглядки на последствия. Однако Цю Хэнянь не позволил ему сделать то, что он тогда предложил.

Цин Янь сглотнул, нервно потупив взгляд, и тихо спросил:

— Сейчас?

Пьяный человек твердо кивнул:

— Сначала мыться.

И так, среди ночи, они начали возиться, разводя огонь и нагревая воду. Наконец оба вымылись, порядком устав от этих ночных приготовлений.

После купания Цю Хэнянь, похоже, начал трезветь. Он молча прислонился к изголовью кровати, явно недовольный своей недавней инициативой.

Цин Янь, сидя рядом с ним, сложив под себя ноги, излучал безмятежность. Его белоснежная кожа и легкая улыбка были обманчиво невинны. Он, наклонив голову, насмешливо спросил:

— А сам ты слова-то держишь?

Цю Хэнянь молча смотрел на него, прежде чем резко поднялся и опустил плотные занавеси вокруг кровати.

Масляная лампа на столе бросала мягкий свет, скрываясь за тканью. Внутри раздавались странные звуки. Спустя какое-то время из-за занавесей раздался тихий, умоляющий голос:

— Хватит, я устал, у меня уже рот болит!

Прошло еще немного времени, прежде чем раздался приглушенный плач:

— Ну почему так долго? Это же невозможно...

Из-за занавесей донесся глубокий вздох и хриплый голос Цю Хэняня:

— Разве ты не держишь свое слово?

Маленький супруг, уже почти без сил, решительно заявил:

— Нет! Не держу!

<http://bllate.org/book/13590/1205189>